

Погода стояла нежаркая, так что он мог приготовить лепешки накануне вечером, чтобы съесть их на завтрак и обед.

Аппетит у него был немаленький. Двадцать фунтов муки, купленные всего три дня назад, уже почти закончились - осталась едва ли четверть.

Но даже сейчас Орвицка все еще пребывал в состоянии "постоянного голода", ни разу не наевшись досыта. В первый день он просто не успел приготовить достаточно еды, но со второго вечера уже сознательно ограничивал себя.

В день возвращения из полицейского участка Орвицка решил наконец-то поесть до отвала. Он поставил котелок с куриным супом на газовую плиту, сварил порцию тушеных овощей, съел ее и тут же поставил вариться следующую, попутно уплетая лепешки. В итоге он прикончил почти все овощи и яйца, съев не меньше четырех фунтов муки.

- И это только муки, а если учесть овощи, яйца и воду, добавленные в тесто, то съеденное количество выглядело еще более пугающим.

Орвицка сам себя напугал. Даже если это тело все еще росло, такой аппетит был ненормальным. Он напряг память, пытаясь вспомнить привычки прежнего владельца тела, и обнаружил, что тот ел гораздо меньше.

"Если бы я вернулся в Поднебесную с таким телом, то точно прославился бы как фуд-блогер", - подумал он. Еще страшнее было то, что даже после такого обильного приема пищи он все равно чувствовал голод. Это чувство не усилилось и не ослабло ни на йоту, словно чудовищная трапеца была лишь иллюзией, а его живот оставался таким же плоским.

"Это из-за травмы аппетит вырос или из-за переселения? Это нормальная потребность организма или что-то патологическое? Может, пьяница бутылкой вышиб из моей головы какое-то чувство?"

Он забыл название болезни, но помнил, что существует недуг, лишаящий человека чувства насыщения, из-за чего он постоянно голоден.

Орвицка решил, что впредь стоит придерживаться нормального рациона.

- Эй! Орвицка! Орвицка? Орвицка!

Когда незнакомый голос впервые окликнул его так, Орвицка не сразу понял, что обращаются к нему, ведь все в участке звали его "Мондейл". Лишь когда голос позвал в третий раз, уже совсем рядом, Орвицка обернулся.

С первого взгляда он его не узнал, но на второй раз всплыли обрывки воспоминаний прежнего Орвицки.

Черные волосы, карие глаза, лет тридцати, с модными усиками - как у Кларка Гейбла в старом фильме "Унесенные ветром". Это был Дональд Брайт, прежний напарник Орвицки.

В первый же день совместного дежурства с ним прежний Орвицка непонятно как получил бутылкой по голове.

За все время, что Орвицка пролежал в больнице, Брайт ни разу его не навестил. А теперь, на четвертый день после возвращения Орвицки на службу, почти перед самым концом смены, он вдруг объявился.

Орвицка не то чтобы злился на Брайта - какой в этом толк? - но решил, что держаться от него подальше будет разумнее.

- Рад видеть, что ты в порядке! - воскликнул Брайт. - Как только поймали того чертова пьянчугу, меня отправили в Живой Кролик, там объявился серийный убийца. Только сейчас удалось его схватить и привезти обратно, - он выдохнул. - Как раз и ты смену заканчиваешь. Я раскрыл крупное дело, ты выписался - надо это отметить!

С этими словами он протянул руку, собираясь по-свойски приобнять Орвицку за плечи.

Из-за разницы в росте и телосложении этот жест показался Орвицке весьма давящим.

- Прости, - Орвицка отступил на шаг, уклоняясь от руки Брайта. - Мне завтра рано вставать по делам. Эти дни я привыкал к работе, да и дома еще не разобрался. Не могу с тобой праздновать.

Брайт опустил руку и пристально посмотрел на Орвицку. Он был зрелым и привлекательным мужчиной, но то, как он не мигая уставился на юношу, напоминало взрослого, который сверлит взглядом провинившегося ребенка. Воздух между ними неуловимо накалился.

Орвицка нахмурился и, вскинув голову, встретился взглядом с Брайтом. В его серых глазах не было ни страха, ни вины - скорее, плохо скрываемое отвращение.

Брайт осекся и отвел взгляд.

- Какая жалость... Но у меня как раз завтра начинается отпуск. Чем ты собираешься заняться? Может, нужна моя помощь? - он сделал небольшой шаг вперед, снова сокращая дистанцию.

Орвицка скрестил руки на груди. Глядя на Брайта снизу вверх, он тем не менее всем своим видом излучал холодный вызов и недвусмысленное предупреждение.

- Спасибо, не нужно.

Брайт отступил назад, и на его лице вновь появилась маска учтивости.

- Вот как? Что ж, чем бы ты ни занимался, желаю удачи.

- Большое спасибо, - Орвицка опустил руки, вежливо поблагодарил и, не говоря больше ни слова, развернулся и ушел.

К сожалению, воспоминания прежнего Орвицки о том дне по-прежнему ограничивались обрывками до входа в участок и встречи с пьяницами. Что именно происходило во время работы с Брайтом, Орвицка не знал.

"Но как бы там ни было, сегодня этот тип ведет себя очень странно. Чего он хочет? Я ему нравлюсь? Или это попытка издевательства на рабочем месте? Может, это какой-то Пикап?"

"Впрочем, он ведь был моим первым напарником. Можно ли предположить, что старый Мондейл в первую очередь доверил меня ему?"

"Но его отношение разительно отличается от отношения Большого Мака. Этот тип улыбается, кажется очень радушным, но я не чувствую от него никакого уважения. Таких людей я встречал и раньше".

"У него явно есть скрытые мотивы, возможно, даже недобрые. И он самонадеянно полагает, что достаточно улыбнуться, и другие безропотно отдадут ему все, что угодно".

"От таких людей лучше держаться как можно дальше".

"Подожду еще немного, пока мои отношения с семьей Большого Мака не станут ближе. Тогда я смогу спросить у него, кому я обязан такой заботой".

Размышляя об этом, Орвицка переходил дорогу.

В свой выходной Орвицка проснулся как обычно. По идее, в выходной стоило бы надеть штатское, но в Нортонской империи не было правила, запрещающего полицейским носить форму вне службы. Поэтому, немного поколебавшись и подумав о собственной безопасности, он все же надел мундир.

Одинокий юноша с очень молодым лицом, прилично одетый, несомненно, был бы идеальной мишенью для нападения.

А в форме, пусть и с тем же юным лицом, он все-таки был представителем Содманской королевской полиции. Тот, кто замыслит на него напасть, дважды подумает.

Посмотрев на мешок и чемодан, Орвицка сунул мешок в чемодан. Туда же отправилась маленькая железная лопатка. Аккуратно одетый королевский полицейский с мешком за спиной - это слишком привлекало бы любопытство.

Взяв чемодан, Орвицка вышел из комнаты.

Закрыв дверь и обернувшись, он заметил, что дверь квартиры Большого Мака приоткрыта на ширину ладони. В щель снизу выглядывала Анна.

- Привет, доброе утро, Анна, - Орвицка улыбнулся и поздоровался, ожидая, что застенчивая девочка испугается и убежит.

- Здравствуйте, дядя Мондейл, - кто бы мог подумать? Девочка ответила ему милым голоском, хотя по-прежнему пряталась за дверью.

Будучи геем, Орвицка иногда фантазировал, что если бы мог иметь детей, то удочерил бы прелестную девочку, покупал бы ей много красивых платиц и милых заколок. Конечно, если бы ей нравился brutальный или забавный стиль, он бы тоже это принял.

- До свидания, Анна, - помахав Анне рукой, Орвицка спустился по лестнице и вышел.

Он снова столкнулся с Дэнни, разносчиком газет и молока. Правда, сегодня Орвицка спустился позже обычного, так что Дэнни как раз спускался сверху с пустыми молочными бутылками.

- Доброе утро, мистер Мондейл, - поздоровался мальчик.

- Здравствуй, Дэнни, - ответил Орвицка. Говоря об опасности, на самом деле именно Дэнни подвергался риску. Этот юноша обладал редкой красотой, но тот факт, что он до сих пор мог спокойно работать и жить в этом районе, говорил о том, что для бедняков здесь было довольно дружелюбно и безопасно.

Попрощавшись с Дэнни, Орвицка покинул общежитие и направился к станции общественного парового трамвая. Однако на этот раз он встал с противоположной стороны платформы. Он спросил у госпожи Торрей и узнал, что примерно в это время трамвай должен подойти - доехав до улицы Длинной Канавы и проехав еще три остановки, он разворачивался.

И действительно, вскоре подошел трамвай. Кондуктор был тот же самый, только сегодня он был не просто подшофе, а пил прямо на ходу. Впрочем, сильное опьянение не мешало ему собирать плату за проезд, а увидев красную форму Орвицки, он тут же расплылся в улыбке и убрал руку, которой собирался взять деньги.

Орвицка сел на свое привычное место и снова погрузился в свои мысли.

Большой Мак как-то пугал его, говоря, что придется таскать трупы.

Увидев голодающих попрошаек в тот день, Орвицка подумал, что через несколько дней увидит их тела. Еда, которую ежедневно ели простые люди, казалась ему такой, что вот-вот должна была вызвать массовое пищевое отравление. Но, надо сказать, человеческая живучесть была поразительной. До сих пор самым серьезно пострадавшим, кого видел Орвицка, был лишь пьяница с разбитой головой.

Это не разочаровывало Орвицку, наоборот, он был этому рад.

Ему не нравились потрясения и острые ощущения, у него не было амбиций совершить что-то великое. Стать в будущем штатным патрульным, получить прибавку к жалованию, переехать в квартиру чуть побольше и так прожить всю жизнь - этого ему было бы вполне достаточно.

"Конечно, если бы была возможность... может... найти партнера?"

Эта мысль едва успела появиться, как Орвицка сам же ее и пресек. Дело было не в завышенных требованиях, наоборот, они были весьма скромными: всего два - пожизненный партнер и никаких интимных отношений до тех пор, пока не будет уверенности в серьезности намерений.

В гей-кругах встречались пары, прожившие вместе десятилетия. Но Орвицка считал, что ему, вероятно, просто ужасно не везло.

Первый бар, в который он зашел, напугал его до смерти. Через пару дней из новостей он узнал, что заведение прикрыли. Орвицка, только что окончивший университет, больше двух месяцев жил в страхе, что за ним придут полицейские. Прошло еще два с лишним года, прежде чем он нашел более-менее приличное место, но и там люди искали лишь случайных связей на одну ночь, а отношения, длившиеся месяц-другой, считались уже долгосрочными.

Только перевалив за тридцать, он наконец нашел человека, который, казалось, тоже стремился к настоящим долгосрочным отношениям. Он уже приготовил кольцо, думая, что они готовы перейти на новый этап. Но в тот день, придя в кафе на свидание, он застал своего избранника с другим.

- Прости, но с тобой я чувствую слишком большое давление. К тому же, у меня тоже есть потребности, - сказал тот. Скрытый упрек в его взгляде, намекавший на несостоятельность Орвицки, вызвал у него лишь горькую усмешку.

В этом мире мужчины могли венчаться в некоторых церквях, и свидетельство о браке, выданное священником, имело юридическую силу. Но это не означало, что найти гея, стремящегося к серьезным отношениям, было легко. Среди одноклассников Орвицки по Пэлдской общественной школе больше половины были внебрачными детьми, и у половины из этой половины биологические отцы также состояли в однополых отношениях.

<http://bllate.org/book/17916/1715764>